

— Гудан, почему ты всё ещё здесь? Лекарство отнёс?

Мужчина высокого роста, слегка сутулый, с длинным лицом, в синем верхнем халате, медленно подошёл, держа в руках длинную курительную трубку.

Гуданом звали одиннадцатилетнего мальчишку. Постоянные побои и недоедание сделали его растущее тело необычайно тощим и низкорослым. Он уже какое-то время стоял на ступенях у западного флигеля, и, неожиданно услышав голос мужчины, так испугался, что фарфоровая чашка в его руках со звоном разбилась о каменные ступени.

— Х-хозяин! — вырвалось у Гудана.

Звонкий звук разбивания заставил мужчину с трубкой изменить выражение лица, он большими шагами взбежал на ступени и, увидев, как тёмно-коричневое лекарство стекает вниз, от злости не мог вымолвить ни слова, трубкой в руке он изо всех сил ударил Гудана по спине...

— Сукин сын...

— Ай...

Даже привыкший к побоям Гудан не смог стерпеть боли, вскрикнул, тело его наклонилось вперёд и врезалось в мужчину в белом, который как раз выходил из двери.

Произошедшее было внезапным, ни хозяин, ни Гудан не ожидали, что дверь западного флигеля откроется изнутри. Ведь с тех пор, как случился тот инцидент, человек в этой комнате больше не выходил.

Что касается Гудана, врезавшегося в мужчину и избежавшего падения, то он от этого нисколько не успокоился. Придя в себя, он тут же вырвался из объятий мужчины, с грохотом упал на колени на каменные ступени, на его бледном личике был написан ужас, холодный пот мгновенно струился с головы, и он явно боялся ещё больше, чем только что при виде хозяина.

Тот, в кого врезались, пошатнулся, отступив на два шага, и ухватился за дверной косяк. Тело, только что оправившееся от тяжёлой болезни, было ещё слабым. Белая одежда делала и без того фарфорово-белую кожу ещё более похожей на сияющий нефрит. Пара тонких, слегка приподнятых ивовых бровей были длинными и черными, под ними — безусловно красивые глаза-фениксы, чёрные зрачки прозрачные, словно вода, будто обладали магией, заставляя людей невольно погружаться в них. И такие изысканные, идеальные черты лица принадлежали не женщине, а юноше лет семнадцати-восемнадцати.

Хозяин Шэнь Цайтянь, увидев того, кто вышел, внезапно поднял уголки обычно опущенных губ, широко раскрыл рот, радостно улыбнулся, обнажив несколько потемневших от курения зубов.

— Почему ты встал, Синтан? Врач велел больше лежать, не беспокойся о делах трупы, скорее иди в комнату.

Шэнь Цайтянь уже хотел подойти и поддержать его, но юношу по имени Синтан это движение заставило отстраниться.

— Услышал звуки и вышел посмотреть.

Юноша слегка опустил голову, когда говорил, в горле ещё ощущалась боль. Утаив желание

выйти прогуляться, юноша, в котором уже был другой человек, блеснул глазами, ему совсем не хотелось продолжать разговор с этим хозяином, который с виду был недобрым человеком.

Хозяин фыркнул, пнул ещё стоящего на коленях Гудана по заднице, отчего тот шлёпнулся на землю.

— Этот ублюдок, велели ему отнести тебе лекарство, а он его разбил, да ещё и тебя побеспокоил, точно недополучил тумачков!

Только тогда юноша разглядел ребёнка, лежащего на земле. В сердце его мгновенно поднялась ярость, он нахмурился и протянул руку, чтобы помочь ему подняться.

Кто бы мог подумать, Гудан, кувыркаясь, снова встал на колени и начал яростно кланяться ему, так быстро, что юноша не успел среагировать.

Гудан, кланяясь, приговаривал:

— Крёстный, я виноват, простите меня в этот раз...

Юноша был ошеломлён происходящим, хозяин, только что бывший свирепым, теперь сделал вид, что добрый, и с улыбкой сказал юноше:

— Может, простим его в этот раз?.. Я его хорошенько прочую...

Юноша был в ужасе, но, заняв это тело, ему пришлось делать вид, что на его лице нет ни тени эмоций.

В конце концов, приказав Гудану войти с ним в комнату, под отчаянным взглядом Гудана и полным притворной жалости взглядом хозяина Не Шуян закрыл дверь комнаты, в которой просидел целых три дня.

Не Шуян очнулся в этой комнате уже три дня назад. Сначала он ещё думал, что его спасли, ведь тот мужчина был всемогущ, и хотя он получил пулю в голову, всё же мог выжить. Но всё, что он пережил за эти три дня, заставило Не Шуяна вспомнить очень популярное слово — перемещение.

За эти три дня входившие и выходившие люди были совсем незнакомыми, а их одежда больше походила на период Китайской Республики. Он уже узнал от этих людей, что прежнего хозяина его тела зовут Шао Синтан. Не знаю, потому ли, что у этого Шао Синтана были особенно плохие отношения с людьми, но все приходившие с лстивыми улыбками явно хотели выслужиться, а не искренне позаботиться. Не Шуян ничего не знал об этом прежнем хозяине и не смел говорить лишнего, поэтому просто как попало отвечал.

В прошлой жизни Не Шуян умер в двадцать девять лет, уже будучи всемирно известным мастером театрального искусства. Его приглашали на различные известные международные интервью, участвовал в различных экспертных семинарах, ездил по разным странам пропагандировать китайский театр... Происхождение из театральной семьи, таинственный возлюбленный одного с ним пола, слава, разнёсшаяся по миру в молодом возрасте... Всё это заставляло людей по-разному оценивать его. Кто-то говорил, что он гениальный талант, эрудит, великий мастер... а кто-то говорил, что всё его достижения — результат поддержки возлюбленного-мужчины, результат скрытых правил...

На самом деле правду знал только он сам. В двадцать два года, изменив, он порвал с семьёй и

уехал с человеком, с которым думал провести всю жизнь, но не прошло и четырёх лет, как тот мужчина, ради которого он отказался от всего, преспокойно продал его другому мужчине. Сказать «продал» — совсем не преувеличение, в их руках были не только его слабые места, но и скандалы его процветавшей сотни лет семьи. Даже разочаровавшись, он не осмелился рисковать славой своей семьи. В конце концов, он уже однажды глубоко ранил их и не мог снова причинить боль пожилым родителям... Просто после этого его сердце умерло...

Он ненавидел того возлюбленного, что предал любовь, ненавидел того, кто насильно появился и отнимал, ненавидел и небеса — зачем они позволили тому мужчине выбрать именно его... Зачем...

Но он был бессилён противостоять, тот мужчина был несомненным мировым магнатом, каждый день в крупнейших мировых финансовых газетах подробно анализировали его незначительные решения. Он был образцом успеха, идиолом мира. Высокий и статный, спокойный и мудрый, остроумный, благотворительный и добрый... Кроме него самого, кто бы мог поверить, что этот человек жестоко выступал в роли палача в чьей-то жизни, переворачивая её с ног на голову...

Поэтому, когда друзья мужчины, видя, как тот перед ним принижается и потекает ему, говорили, что он неблагодарный, Не Шуян лишь холодно усмехался.

Все вокруг были убеждены, что мужчина глубоко любит его, только Не Шуян сам не верил, что бы кто ни говорил. Потому что он не верил, что человек, жестоко разрушивший чужое счастье... может понимать любовь...

Среди высоких, нагромождённых, холодных и величественных зданий пуля, прилетевшая неизвестно откуда, пробилась ему в голову. Увидев, как на всегда спокойном и уверенном лице мужчины мгновенно появились крайний ужас и отчаяние, в сердце Не Шуяна вдруг стало легко, трёхлетняя с трудом подавляемая ненависть будто в миг получила отмщение...

Умереть — тоже хорошо, больше не надо так жить против воли... подумал Не Шуян перед тем, как закрыть глаза.

Но не думал, что такое, как воскрешение из мёртвых, случится с ним самим. Небо дало такой шанс, нет причин не ценить его. Оковы прошлой жизни сброшены, дела вчерашнего дня ушли, Не Шуян решил хорошо ценить эту нелёгкую вторую жизнь, прожить жизнь, которую хотел, но не смог прожить в прошлый раз...

Посмотрев в зеркало, Не Шуян обнаружил, что это тело выглядит так же, как и в прошлой жизни, только вернулось к возрасту семнадцати-восемнадцати лет, что даже выгодно.

Не Шуян вошёл в комнату, усадил уже напуганного до полусмерти ребёнка на кровать и как можно мягче сказал:

— Не бойся.

Но обнаружил, что под его рукой маленькое тельце дрожит ещё сильнее.

Не Шуян тихо вздохнул, подумав, что же такого сделал Шао Синтан, чтобы так напугать этого ребёнка.

Тощая шея поддерживала голову, Гудан уставился глазами вперёд, не смея смотреть в глаза тому человеку.

Рука поднялась до половины, Гудан резко зажмурил глаза, но, стиснув зубы, так и не отпрянул. Ожидаемой боли не последовало, на макушку легло что-то, тёплое, необычайно приятное...

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16353/1478012>